

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны ¹⁾.

(Окончаніе).

* * *

Въ дни, предшествовавшіе, совершенно неожиданно доставленной въ концѣ концовъ кронпринцемъ, развязкѣ боины у позиціи Хлумъ-Липы-Кёнигсгрецъ-Кёнигсгофъ, въ австрійской арміи происходило то, что еще разъ, быть можетъ нагляднѣе, чѣмъ когда-либо, показало всему міру, насколько зловредная гофкригсратская система развѣдала весь организмъ той арміи и, дѣлая его гнилымъ, уничтожала всякую возможность извлекать въ трудныя минуты изъ обстоятельствъ хода войны пользу для себя и для дѣла своего отечества.

Прежде всего происходившее выяснилось для пруссаковъ черезъ того же прозорливаго и энергичнаго генерала Фойгтсъ Реца, котораго король Вильгельмъ неизмѣнно продолжалъ считать своимъ лучшимъ другомъ. Онъ, своими особыми путями самостоятельной развѣдки узналъ, что лучше изъ австрійскихъ корпусныхъ командировъ фельдмаршалъ-лейтенанты Раммингъ ²⁾ и Эдельсгеймъ совершенно разумно вдругъ додумались считать Липо-Кёнигсгофскую позицію крайне слабою для непріятели, почувствовавъ, что на ней и около нея пруссаки уже не дерутся со свойственной имъ бѣшеной энергіей, а лишь надрываются надъ потерявшими силы остатками австро-саксонскихъ войскъ.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1911.

²⁾ Въ австрійской арміи лучшими генералами признавались Габленцъ, Эдельсгеймъ и Раммингъ; послѣдній считался гениемъ; онъ былъ начальникомъ штаба арміи у генерала Ганау, командовавшаго арміей въ Венгріи въ 1849 г. (См. офиц. отчетъ ген. Драгомирова о войнѣ 1866 г.).

У Рамминга и Эдельсгейма, поэтому, созрѣло рѣшеніе соединенно двинуться туда со своими сравнительно сохранившимися свѣжесть корпусами.

Своевременное прибытіе этихъ двухъ корпусовъ, безъ сомнѣнія, отодвинуло бы въ тотъ день грозу и бѣду отъ австрійцевъ, а пруссакамъ несомнѣнно надѣлало бы много хлопотъ и вреда. Богъ знаетъ, какъ для нихъ обернулось бы счастье. Затаенныя предвидѣнія, основанныя на силѣ штейнмецкихъ побѣдъ, уже готовы были померкнуть; всѣ лица, окружавшія короля и стоявшія близко къ Мольтке, также молча, какъ возгорѣлись надеждой, готовы были отъ всякой надежды на большой успѣхъ отречься,—когда вдругъ обнаружилось, что два способнѣйшихъ австрійскихъ военачальника—Раммингъ и Эдельсгеймъ создаютъ для пруссаковъ и дарятъ имъ капитальную и рѣшительную побѣду. Дѣло въ томъ, что они въ одно мгновеніе своему мудрому рѣшенію,—устремитесь на Хлумъ-Кёнигсгрець,—легко, просто и свободно измѣнили; какъ въ тысячѣ подобныхъ случаевъ, всѣ ихъ соображенія помрачились, вся ихъ воля разбилась о сомнѣніе въ томъ, „что скажутъ наверху?“.

Послѣ этого ужъ все пошло наыворотъ: несмотря на то, что многіе изъ подчиненныхъ тѣмъ генераламъ начальниковъ частей энергично поддерживали ихъ первоначальное геніальное рѣшеніе, идти на угрожавшій пруссакамъ пунктъ, Раммингъ и Эдельсгеймъ пропустили нѣкоторое время въ раздумываніи надъ поставленнымъ ими самими проклятымъ вопросомъ. Какъ ни было это время коротко, пропускъ его несомнѣнно оказался въ высшей степени пагубнымъ; а къ этому присодинилось еще новое преступное рѣшеніе—запросить „наверху“—можно ли двинуться? Наверху нашли обязательнымъ для себя послать запросъ еще выше.

Пока шло ожиданіе отвѣта, сначала на этотъ вопросъ, а потомъ на посланную съ гонцами вслѣдъ просьбу, во что бы то ни стало разрѣшить, и пока тѣ два гонца успѣли привезти сверху отрицательные отвѣты на оба эти запроса,—Фрицъ успѣлъ прилетѣть, втянуться въ позицію и на ней раскатать многострадальную австро-саксонскую, мужественно въ тотъ день дравшуюся армію¹⁾.

Углубившись въ свою фатальную нерѣшимость, и Раммингъ и Эдельсгеймъ совсѣмъ забыли о необходимости высылать хотя бы какіе-нибудь разѣзды въ ту сторону, съ которой грозно надвигался

¹⁾ Въ официальномъ отчетѣ генерала Драгомирова объ этомъ сказано такъ: говорятъ, что, съ постепеннымъ ослабленіемъ у Хлума, Раммингъ три раза предлагалъ передвинуть туда свой корпусъ, но не получилъ разрѣшенія; говорятъ также, что Эдельсгейму положительно было „запрещено предпринимать что-либо безъ приказанія“.

кронпринцъ; такимъ образомъ ему была доставлена возможность пройти къ Хлуму на поддержку своихъ, форсированнымъ маршемъ, какъ въ мирное время,—ни одинъ мостъ не былъ испорченъ, и ни одна переправа не была сколько-нибудь затруднена.

* * *

Невѣроятные и совершенно неожиданные, какъ громъ грянувшіе, результаты этого равненія двухъ австрійскихъ, лучшихъ боевыхъ корпусныхъ командировъ на неизмѣнный и вѣчный кошмаръ, повелѣвавшій ожидать свыше, то одобренія или осужденія, то разрѣшенія или воспрещенія, отразились на содержаніи отиравленной въ столицу телеграммы, которою Бенедекъ завершилъ и кампанію и свое пребываніе въ должности главнокомандующаго; онъ очень искусно прикрасилъ свое донесеніе іезуитскими изворотами, правда краткими, но, не менѣе того, излишними и напрасными.

Извлекаю это донесеніе изъ оффиціального отчета генерала Драгомирова; вотъ оно:

Гогенмутъ 4-го Іюля 3 ч. у. Въ Вѣну. Его Императорскому Величеству.

„Послѣ блестящаго пятичасоваго боя всей арміи и саксонцевъ на отчасти укрѣпленной позиціи, впереди Кенигсгреца съ центромъ „Липы, непріятелю удалось незамѣтнымъ образомъ утвердиться въ „Хлумѣ.—Дождь осадилъ дымъ къ землѣ: ничего нельзя было видѣть. „Благодаря этому, противнику удалось проникнуть на нашу позицію „у Хлума.

„Неожиданно, обстрѣливаемая съ фланга и съ тыла, близъ стоявшія, войска дрогнули и, не взирая на всѣ усилія, нельзя было „остановить ихъ отступленія. Сіе послѣднее сначала исполнено безъ „поспѣшности, но, мало-по-малу, оно становилось быстрѣе, по мѣрѣ „того, какъ тѣснилъ непріятель, пока наконецъ всѣ отступили черезъ „мосты на Эльбѣ или къ Нардубицу.

„Потери еще не опредѣлены, но онѣ навѣрное значительны“.

Какъ видно, телеграмма послана изъ того пункта, къ которому назначено было отступать—изъ Гогенмута. (См. ниже стран. 605).

Не разъ М. И. Драгомировъ останавливался на этомъ донесеніи; въ немъ, говорилъ онъ, выказался человекъ хитрый, храбрый, изворотливый, энергичный, пожалуй и боевой, но не чисто военный, отвѣчающій за ввѣренную ему армію, которою предводительствовать онъ считалъ бы за высшую для себя честь.

Относительно роли, сыгранной Бенедеккомъ въ дѣлѣ генераловъ Рамминга и Эдельсгейма, М. И. сказалъ: Бенедекъ долженъ былъ бы прозрѣть и чувствовать, что на запросъ этихъ двухъ генераловъ ему, не взирая на принадлежность его къ чудовищной австрійской арміи, надлежало дать отвѣтъ прямо отъ себя: идти во что бы то ни стало! хотя бы изъ Вѣны была получена не одна тысяча запрещеній.

Поставивъ всю эту исторію въ громадную вину Бенедеку и считая его нерѣшительность въ этомъ эпизодѣ пагубною, а потому непростительно преступною, Мих. Ив. почти все остальное, касавшееся этого генерала, старался, такъ или иначе объяснить и какъ бы „перенести вину съ Бенедека на пославшихъ его“. Это ясно проглядывало въ его разсказахъ, и усматривается въ его официальном отчетѣ ¹⁾).

Отсутствіе теоретической подготовки на столько замѣнялось для Бенедека практическимъ знаніемъ дѣла, что онъ могъ считаться богатымъ практикой болѣе, нежели кто-либо изъ пруссаковъ; всѣ, начиная съ Франца-Иосифа, знали, что это богатство практикой имѣло громадную цѣну въ Бенедекѣ лишь на изученномъ имъ вдоль и поперекъ итальянскомъ театрѣ войны.

* * *

Бенедекъ, получивъ назначеніе на самый высокій постъ въ сѣв. арміи, ясно видѣлъ, что положеніе его непрочно; а развѣ тотъ же Францъ-Иосифъ и присные не видѣли въ немъ этого? Они должны были чувствовать, что такого главнокомандующаго надо было или замѣнить другимъ, т. е. не назначать или щедро „снабдить силою престижа“,—азбука для всякаго служебнаго начинанія и для всякаго дѣла.

Народъ хотѣлъ видѣть Бенедека главнокомандующимъ; а если верхи захотѣли это желаніе народа исполнить, увидя въ немъ удовлетвореніе всѣмъ симпатіямъ и надеждамъ, то прежде всего надо было добавить Бенедеку все недостававшее,—обставить его такъ, чтобы онъ увѣровалъ въ себя и почувствовалъ подъ собой твердую почву. Тогда не установилось бы сразу какое-то фальшивое положеніе, при которомъ все, неладно сшитое, начало сразу же пороться по всѣмъ швамъ.

Втянули Бенедека увѣреніями, что до войны дѣло не дойдетъ и что для выбора не только прямыхъ помощниковъ, но и вообще командировъ частей, онъ получитъ самыя широкія полномочія.—Если ему давали такія увѣренія чуть ли не въ ту минуту, когда послы—австрійскій и германскій выѣхали изъ Берлина, а прусскій покинулъ Вѣну,—значить, одинаково твердо, т. е. нагло лгали и относительно полномочій; ихъ ему не дали и никого онъ себѣ не выбралъ самостоятельно.

Начальникъ штаба Геникштейнъ былъ ему навязанъ только потому, что угоденъ былъ Вѣнѣ; правда, Бенедекъ, за вѣскольکو лѣтъ передъ тѣмъ, горячо рекомендовалъ его на какую-то

¹⁾ См. въ томъ отчетѣ главу „Характеристика личностей въ австрійской арміи“.

должность; но въ Вѣнѣ съ одной стороны видѣли, что должность та не имѣла ничего общаго съ должностью начальника штаба арміи, а съ другой—знали, что Бенедекъ тогда сдѣлалъ свое представленіе лишь для того, чтобы сбыть Генникштейна, отдѣлаться отъ него! Такимъ образомъ въ этомъ назначеніи была видна скорѣе насмѣшка.

Помощники начальника штаба: Крисманнъ урывками имѣлъ вліяніе на Бенедека; но Бенедекъ сбрасывалъ съ себя его вліяніе; въ Вѣнѣ же онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что, не допуская чужихъ идей, самъ былъ лишенъ нужнаго взгляда для оцѣнки обстоятельствъ и для быстраго принятія рѣшеній; онъ былъ по просту интриганъ и не терпѣлъ рядомъ съ собой никого, кто былъ способенъ затмить его.

Не такого дѣятеля могъ желать себѣ Бенедекъ, какъ и не такого, какимъ является второй помощникъ начальника штаба Нейпергъ,—это человѣкъ очень способный въ военномъ смыслѣ, но онъ страдаетъ огромнымъ недостаткомъ, затмевающимъ большую часть военныхъ качествъ,—скромность, какъ самая робкая институтка.

Отъ двухъ лучшихъ корпусныхъ командировъ Бенедекъ отрекся и считалъ для себя желательнымъ замѣнить ихъ своими: Габленцъ, по его мнѣнію, при всѣхъ своихъ талантахъ и способностяхъ, былъ больше богатъ дипломатическою изворотливостью, чѣмъ боевыми качествами; нерѣшительность Эдельсгейма была извѣстна Бенедеку неменѣе, чѣмъ Вѣнѣ. Только Рамминга онъ признавалъ, ибо считалъ его военнымъ гениемъ, который заявилъ себя вообще не только изобрѣтательнымъ въ придумываніи способовъ и средствъ борьбы на войнѣ, но и рѣшительнымъ въ исполненіи намѣченнаго. И вдругъ онъ, въ важную минуту, такъ жестоко провалился, поддавшись, какъ Эдельсгеймъ, сомнѣніямъ, чѣмъ рѣзко показалъ, что „на всякаго мудреца простоты довольно“.

Между прочимъ Мих. Ив. съ яростью нападалъ на австрійскіе верхи за то, что они нашли нужнымъ въ одномъ изъ параграфовъ диспозиціи послѣднихъ дней назначить путь отступленія (черезъ Голидсъ на Гогенмутъ). Всякому ясно, насколько неудобно говорить объ общемъ отступленіи въ документѣ, который дѣлается извѣстнымъ частнымъ начальникамъ.

Долго я дѣло о введеніи въ диспозицію чуть-ли не подробнаго порядка отступленія ставилъ въ вину Бенедеку, говорилъ Мих. Ив.; для меня было непонятно, какъ онъ, будучи прежде всего и больше всего практичнымъ военачальникомъ, не могъ рассчитать, что включеніе такого параграфа въ диспозицію всѣмъ одинаково и всесторонне вредило (между прочимъ на легкомыслен-

ныхъ, означенный параграфъ могъ подѣйствовать, какъ дурное предзнаменованіе). Впослѣдствіи, однако, я узналъ отъ капитана Фельдмана, состоявшаго нашимъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ, что диспозиція эта была дѣломъ рукъ военно-походнаго кабинета императора Франца-Иосифа, и Бенедекку она была навязана, т. е. по просту предписана, какъ многое другое, связывавшее его самого по рукамъ и по ногамъ.

* * *

Что же явилось окончательнымъ результатомъ слабой бенедекковской распорядительности, вызвавшей хитросплетенную телеграмму?

Явилось назначеніе эрцгерцога Альбрехта главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ, дѣйствовавшихъ противъ пруссаковъ, силъ.

Хитрая лисица успѣла, подѣ шумокъ, нанести пораженіе итальянской арміи при Кустоцѣ¹⁾ и, будучи прославлена этой побѣдой, ничего не имѣла противъ того, чтобы стать во главѣ арміи; вѣдь въ такую минуту, когда прусская армія подкатила къ стѣнамъ Вѣны, кромѣ заключенія мира нельзя было ничего ожидать.

Хотя нападки на прусскихъ военачальниковъ за то, что они послѣ Кенигсгрецкаго боя не преслѣдовали непріятеля, генераль Драгомировъ смягчалъ и старался промахъ этихъ начальниковъ извинить тѣмъ, что прусская армія была совершенно обезсилена и истощена, тѣмъ не менѣе онъ говорилъ, что она кореннымъ образомъ забыла уроки безсмертнаго учителя своего Блюхера²⁾,

¹⁾ Село, расположенное недалеко отъ крѣпости Вероны; эрцгерцогъ Альбрехтъ, нанесшій въ 1866 году пораженіе итальянской арміи, былъ не первый побѣдитель на этой позиціи: въ 1848 году австрійская армія при этомъ же селѣ нанесла пораженіе предводительствовавшему пьемонтскими войсками королю Карлу-Альбрехту—отцу и предшественнику Виктора-Эммануила II-го; побѣда эта сильно возвеличила фельдмаршала Радецкаго, т. к. побѣжденный имъ король, благодаря массѣ своихъ побѣдъ, назывался „мечемъ Италіи“ и считался непобѣдимымъ.—Армія, которой нанесъ пораженіе эрцгерцогъ Альбрехтъ, находилась подѣ начальствомъ знаменитаго генерала Ла-Мармори.

²⁾ Блюхеръ—знаменитый кавалеристъ, фельдмаршалъ прусскихъ войскъ. Однажды Мих. Ив., ведя разговоръ о немъ, сказалъ: какъ жаль, что онъ не достался намъ! при этомъ онъ, какъ тогда же оказалось, вспомнилъ извѣстный фактъ, что Блюхеръ, состоя на шведской службѣ, былъ во время семилѣтней войны взятъ пруссаками въ плѣнъ; тогда онъ перешелъ на службу въ прусскую кавалерію; полкъ, которымъ онъ командовалъ, до сихъ поръ носитъ названіе Блюхеровскіе гусары. Блюхеръ представлялъ собою такую силу, что Наполеонъ, диктуя условія мира въ Тильзитѣ въ 1807 г., потребовалъ, между прочимъ, смѣны главнокомандующаго въ Помераніи, вслѣдствіе этого Блюхеръ былъ уволенъ въ отставку. Съ большимъ ожесточеніемъ сталъ онъ бить этого врага своего, получивъ вновь въ 1813-мъ г. назначеніе на постъ главнокомандующаго; за этотъ періодъ своей службы

который, послѣ битвы при Ватерлоо (1815 г.), гналъ врага нѣсколько верстъ съ одними лишь трубачами и барабанщиками, заставивъ ихъ идти ускореннымъ маршемъ съ трубнымъ звукомъ и съ барабаннымъ боемъ; иллюзія была полная для побитыхъ учениковъ великаго полководца,—какимъ былъ императоръ Наполеонъ, и эти ученики очень старательно убѣгали.

* * *

Однажды въ концѣ марта 1877 года, въ послѣдніе дни „кишиневскаго сидѣнья“, когда на сравнительно небольшомъ пространствѣ Бессарабіи была, подъ начальствомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, сосредоточена дѣйствующая армія, ожидавшая объявленія войны Турціи и выступленія въ военный походъ,—мнѣ случилось зайти въ кишиневскій клубъ позавтракать. Въ небольшой компаніи знакомыхъ артиллеристовъ усѣлся я за малымъ столикомъ недалеко отъ входа, когда въ залъ вошелъ командиръ VIII армейскаго корпуса генераль-лейтенантъ Ѳед. Ѳед. Радецкій въ сопровожденіи начальника 14-ой пѣх. дивизіи свиты Е. В. ген.-м. Драгомирова, командира бригады той дивизіи ген.-м. Петрушевскаго и начальника штаба VIII корпуса ген.-м. Дмитровскаго.—Генералы, поздоровавшись съ нами, заняли сосѣдній столикъ. М. И. Драгомировъ, ведя разговоръ, какъ бы дѣлалъ его общимъ и не разъ обращался къ намъ.

Въ ожиданіи подачи кушанья, онъ взялъ газету „Моск. Вѣд.“ и, разсѣянно пробѣжавъ ея столбцы, показалъ замѣтку, въ которой, со словъ какой-то берлинской газеты, рассказывалось, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ Берлинѣ сломалъ ногу и, кажется, палецъ знаменитый конь, ходившій не разъ въ бояхъ во время войны 1866 года подъ королемъ Вильгельмомъ и носившій его большую часть дня въ рѣшительномъ, завершившемъ кампанію сраженіи подъ Кенгсгрецомъ. Берлинская газета, съ нѣкоторымъ варіантомъ, рассказала, а катковскія вѣдомости перепечатали, рассказъ о томъ самомъ эпизодѣ, который Мих. Ив. въ болѣе полномъ видѣ запомнилъ со словъ самого Бисмарка.

онъ, послѣ Лейцига, два раза вступалъ въ Парижъ (31 марта 1814 и 7 іюня 1815 г.г.), закончивъ свою славную боевую карьеру побѣдными битвами при Белль-Аллиансѣ и при Ватерлоо. Въ 1814 году прусскій король далъ ему титулъ „князя вальштадтскаго“; Наполеонъ же постоянно вспоминалъ его, какъ самаго серьезнаго противника и соперника своего; онъ скончался съ именемъ Блюхера на устахъ, хотя тотъ умеръ двумя годами раньше его. Едва-ли не его слова сожалѣнія повторялъ М. И. Драгомировъ. Наполеонъ имѣлъ большое основаніе жалѣть, что этотъ въ высшей степени искусный и талантливый полководецъ, въ свое время, изъ шведскихъ полковниковъ не оказался въ числѣ его маршаловъ.

За время похода въ Богеміи М. И. Драгомирову случилось нѣсколько разъ вступать въ разговоры съ гр. Бисмаркомъ; то не были долгія, интимныя бесѣды, но разговоры, которые велись совершенно просто, что зависѣло всецѣло отъ простоты, съ которою этотъ могучій, разнообразный и своеобразный человекъ, глава нѣмецкой державы, умѣлъ себя держать вообще. Встрѣчаться съ нимъ Мих. Ивановичу случалось больше всего у графа В. П. Голенищева-Кутузова, къ которому желѣзный канцлеръ очень благоволилъ.

— Меня всегда больше влекло поговорить съ гр. Мольтке, говорилъ Мих. Ив., но этотъ молчаливый, сосредоточенный стратегъ не всегда шелъ на бесѣду. Бисмаркъ былъ разбросаннѣе и бесѣды не избѣгалъ; онъ съ готовностью всегда толковалъ обо всемъ, очевидно не теряя въ то же время ни главнаго предмета, занимавшаго его, ни цѣлой нити дѣла, ожидавшихъ его рѣшенія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Кѣнигсгрецскаго сраженія, несомнѣнно еще занятый разборомъ результатовъ великаго дня, онъ зашелъ въ походъ на нѣсколько минутъ къ графу Вас. Павл. Голенищеву-Кутузову, и въ совершенно дружеской бесѣдѣ говорилъ о той, поглотившей всѣхъ, неожиданности, которая „выпала на долю благословеннаго Богомъ прусскаго оружія“. — „Король сегодня съ утра былъ занятъ изложеніемъ сообщенія мельчайшихъ подробностей Императору Александру; въ день боя прежде всего вашему Государю было отправлено краткое извѣщеніе о дарованной намъ побѣдѣ, теперь же надо сообщить детали этого радостнаго событія.“

— Я думаю, вы теперь вздохнули и отдохнули, сказалъ гр. Кутузовъ.

— „Вздохнуть я, конечно, вздохнулъ, какъ и всѣ мы, а отдохнулъ, надо полагать, больше Мольтке, которому конечно пришлось тяжело: моя работа только теперь начинается.“

„Хотя я долженъ сознаться, съ моихъ плечъ свалилась гора въ томъ отношеніи, что пришелъ благополучный конецъ постоянной необходимости неустанно проявлять заботу объ охраненіи короля отъ увлеченій въ бою: на каждомъ шагѣ онъ, безъ всякой нужды, какъ юноша, стремится въ самыя опасныя мѣста; это просто невѣроятно и непостижимо. Никакія указанія не помогаютъ,—ласково молчить и упорно идетъ въ самое пекло.“

„А когда, невзирая ни на что, выйдешь изъ себя и позволишь себѣ высказать напомниманіе въ формѣ похожей на рѣзкость, тогда онъ, неизмѣнно принимая суровый видъ, лишь отвѣтитъ что-либо въ такомъ родѣ: „верховный вождь не можетъ во время боя быть тамъ, гдѣ ему удобнѣе, онъ долженъ чувствовать, гдѣ его присутствіе болѣе всего необходимо, и обязанъ находиться именно тамъ“.“

„Въ послѣдній день король былъ особенно невыносимъ; припомни-

ная о томъ, какъ онъ остался невредимъ, чувствуешь, что все это рѣшительно укрѣпляетъ вѣру въ чудеса.—Ядра свищутъ кругомъ него, а онъ, ни о чемъ иномъ не помышляя, кромѣ того, чтобы войска были лучше, согласно его мыслей и плановъ, направляемы, отдаетъ приказаніе за приказаніемъ. Вы видѣли, что онъ лично направилъ близъ деревни Липы часть кавалеріи къ центру; ну и довольно, нѣтъ, летитъ съ нею въ самый сильный огонь, продолжая давать приказанія“.

— Такое вмѣшательство могло принести вредъ дѣлу, такъ какъ могло нарушить планъ дѣйствій и намѣренія прямыхъ, отвѣтственныхъ начальниковъ, невольно вставилъ М. И. Драгомировъ.

— „Ну, положимъ, король прекрасно знаетъ и понимаетъ, какими распоряженіями онъ можетъ помѣшать, а какими помочь дѣлу, лукаво возразилъ Бисмаркъ; но вѣдь моя нескончаемая забота клонилась къ тому, чтобы оберечь короля отъ опасности, которой онъ подвергался, подобно несовершеннолѣтнему.—Тутъ же передъ эскадрономъ я ему, въ пылу самаго тревожнаго опасенія за него, сказалъ, что онъ не подъ Парижемъ показываетъ чудеса храбрости на пятнадцатомъ году жизни¹⁾; онъ же смотритъ добрыми глазами и снова обращается къ эскадронному рѣтмистру.

— Ваше величество, обратился я къ нему вторично, вы не хотите заботиться о себѣ, не хотите побережь себя; сжальтесь же надъ вашимъ министромъ-президентомъ; вѣдь въ случаѣ,—не дай Богъ,—бѣды, которая такъ близка, вашъ возлюбленный прусскій народъ съ него спроситъ отвѣтъ за короля. Покиньте же это мѣсто во имя народа, который постоянно молить Бога за васъ,—долженъ былъ я умолять короля, сказалъ Бисмаркъ спокойно²⁾. Только тогда король, подавъ мнѣ руку, произнесъ: ну, хорошо, любезный Бисмаркъ, поѣдемъ отсюда, удалимся; дѣйствительно король повернулъ коня, но поѣхалъ самымъ медленнымъ курцъ-галопомъ, какъ будто бы находился не у деревни Липы въ бою въ Богеміи, а у себя въ Берлинѣ на прогулкѣ „подъ Липами“. (Унтеръ-денъ-Линденъ—одна изъ лучшихъ улицъ въ столицѣ короля прусскаго).

„Я почувствовалъ какое-то необычайное нетерпѣніе, хотѣлось дать волю и рукамъ и ногамъ; вы знаете горячій нравъ стараго

¹⁾ Известно, что Вильгельмъ шестнадцатилѣтнимъ юношей участвовалъ въ бояхъ подъ Парижемъ; тамъ онъ заслужилъ желѣзный крестъ и орденъ св. Георгія 4-й степени.

²⁾ Какая громадная разница въ тонѣ сравнительно съ тѣмъ, что Бисмаркъ, судя по народнымъ толкамъ, говорилъ королю настаивая на рѣшеніи объявить войну (см. „Русскую Старину“ 1910 г. апрѣль, стр. 184).

Бисмарка; я пришпорилъ своего коня и, почти поровнявшись съ лошадыю короля, ударилъ ее со всей силы носкомъ своего сапога въ бокъ, приноровивъ ударъ какъ разъ за шпорою короля; лошадь дала скачекъ впередъ и пошла быстрѣе. Король съ видимымъ удивленіемъ оглянулся. Полагаю, что онъ замѣтилъ мою дерзость; но не сказалъ ни слова.

„Вечеромъ, когда шталмейстеръ, завѣдывавшій военно-походною конюшнею короля, явился къ его величеству съ докладомъ о томъ, что, разсѣдывая коня, королевскій рейткнехтъ усмотрѣлъ у лошади довольно значительную ссадину, сдѣланную осколкомъ гранаты,—король сказалъ: вотъ отъ чего она у самой деревни Липы дала крупную лансаду.

„Тогда я покаялся во всемъ: нѣтъ, ваше величество, сказалъ я, винюсь, лансаду вызвалъ я дерзкимъ движеніемъ ноги; желая ускорить движеніе вашей лошади, я ударилъ ея въ правый бокъ; осколокъ же задѣлъ ее въ лѣвую сторону зада; раненой быть она имѣла тысячу случаевъ и моментовъ, для этого вы сдѣлали все зависѣвшее отъ васъ“.

Король засмѣялся: „не забудьте же, Бисмаркъ, сказалъ онъ, что въ бою подъ Кенигсгрецомъ вы явились погонщикомъ королевской лошади; а ее надо переименовать; вмѣсто „Веранда“ дать ей и сохранить названіе „Садова“¹⁾, затѣмъ поставить ее на пенсію, на покой“.

Оканчивая передачей разсказа объ этомъ мелкомъ, но характерномъ эпизодѣ, статью, описывающую кое-что изъ пребыванія М. И. Драгомирова въ главной квартирѣ прусскаго короля во время войны 1866 года,—считаю долгомъ повторить, что статьей этой я никоимъ образомъ не имѣлъ въ виду дать, не только полного изображенія, но даже чего-либо похожаго на частичное описаніе хода самой кампаніи²⁾.

Какъ съ первыхъ строкъ я уже заявилъ, статья эта представляетъ собою простое извлеченіе изъ воспоминаній, излагавшихся покойнымъ въ совершенно случайныхъ частныхъ бесѣдахъ и мною не безъ его вѣдома, отъ времени до времени заносившихся на страницы моихъ тетрадей.

Е. Андреевскій.

¹⁾ Вблизи мѣстечка Кёнигсгреца въ Богеміи находится село Садова; многіе военные историки, преимущественно нѣмецкіе, считаютъ, что сраженіе, рѣшившее 3 іюля 1866 года участь арміи Бенедека, произошло на поляхъ, принадлежавшихъ селу Садовѣ; поэтому они это сраженіе больше называютъ „битва при Садовѣ“.

²⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1910 г. стр. 177.